

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВОЛНИКИ ЖЕНЩИН

*Браки совершаются
на небесах*

Елена Арсеньева
Викинг и Златовласка из
Гардарики (Елизавета
Ярославовна и
Гаральд Гардрад)
Серия «Браки совершаются на небесах»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161311*

Аннотация

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Елена Арсеньева
Викинг и Златовласка
из Гардарики
Елизавета Ярославовна
и Гаральд Гардрад

Солнечный свет не проникал в подземную темницу, зато один ее угол облюбовала себе змея. Сначала Гаральд только слышал ее шипение и никак не мог взять в толк, что это за звук раздается. Потом, когда глаза освоились с темнотой, разглядел в углу тугое тело, отливавшее тусклым блеском. Змея лежала тихо, но иногда поднимала голову и начинала тихо, силло шипеть. Гаральд постоянно чувствовал на себе ее немигающий взгляд. Его словно все время кто-то крепко держал за руку. Иногда эта хватка ослабевала – когда змея исчезала. Наверное, она уползала куда-то в тюремную нору, небось мышей ловила, крыс или что они там жрут, змеи? Когда возвращалась – сытая, довольная, – шипела тише, почти усыпляюще. Гаральд понимал – теперь можно уснуть без опаски. Тварь не тронет! За четверо суток в подземелье слух Гаральда обострился до того, что он различал малейшие оттенки ее шипения, словно она была не змеей, а флейтой, одной из тех, на которых так искусно играли музыканты во

дворце императрицы Зои. Ну а если змея

вдруг начинала волноваться, поднимала голову и раскачивалась, словно готовилась броситься на своего невольного соседа, Гаральд сам усыплял ее: почти так, как усыплял змею африканский колдун, виденный Гаральдом на Сицилии. Только тот играл на длинной дудке – тоже что-то вроде флейты, а у Гаральда имелась только музыка слов. Поэтому он снова и снова бормотал свои Висы радости, которые именно тогда, в темнице, начали слагаться в голове:

Я в мирных родился Полночи снегах;
Но рано отбросил успехи ловитвы,
Лук звонкий, и лыжи, и в грозные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах;
Но тщетно за славой летали далёко
От милой отчизны, по диким морям;
Но тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам, —
А дева русская Гаральда презирает... ¹

Ох уж эта дева русская! Все из-за нее, из-за ее зеленых глаз и золотых кос! Такого дивного, обворожительного цвета Гаральд не видел нигде и никогда. Сестра Елизаветы, Анна, была просто рыжей – как белка, как лиса, другая сестра, Анастасия, имела волосы соломенного цвета, но когда Гаральд

¹ Эти стихи действительно сложены викингом и скальдом, то есть поэтом, Гаральдом Гардрадом. Перевод Г. Батюшкова.

видел косы Елизаветы или, как он называл ее на норвежский лад, Эллисаф, ему казалось, что он стоит в некоей тайной сокровищнице и перебирает несметные богатства. Косы – золото, очи – смарагды, уста – лалы, кожа – мрамор, а румянец щек мог бы поспорить с утренней зарей...

Гаральд нахмурился. Заря – это нечто иное, как истинный скальд, он ощущал неточность сравнения. Ну какая заря может быть в сокровищнице?! А, вспомнил, с чем можно сравнить ланиты Эллисаф! С тем редкостным багрянцем, который сияет на одеяниях византийских императоров! Эти одеяния стоят целое состояние!

Эти богатства Эллисаф, вместе взятые, ее тонкий стан, за который она была прозвана Шелковинкой, – вот что привело Гаральда сюда, в темницу, где в углу тихо шипит ядовитая – в этом можно не сомневаться! – змея. Киевский князь Ярослав ценил красоту своей дочери дорого, очень дорого. Само имя Гаральда, его воинские заслуги значили для него довольно много – чтобы взять викинга и его дружину к себе на службу, – но все же недостаточно, чтобы отдать за него дочь. А ведь он, Гаральд, сын Сигурда Сира, – не просто какой-нибудь ярл², а королевич! Его единоутробный брат Олаф Святой, король норвежский, в зиму 1027-ю от Рождества Христова был разбит датчанами и бежал за море, а в Норвегии воцарился Кнут I из Дании. Спустя три года Олаф попытался вернуть отеческий трон, однако сложил голову в

² Титул у скандинавов, который соответствует русскому графу.

битве при Стикластадире. Гаральд же был только ранен и успел скрыться в Швеции вместе с остатками войска Олафа. Но руки Кнута могли их там достать, да и что делать на чужбине без денег? Вздохать о былой славе? Гаральд не мог долго сидеть на одном месте. Он знал, что рано или поздно вернет себе трон. Но, чтобы сделать это, надо было собрать дружину, вооружить ее, надо было заручиться поддержкой соседей – таких, например, могущественных конунгов, как русский Ярицлейв. Русские называли его Ярославом, а за ум и удачливость прозвали Мудрым ³.

Киевские и новгородские князья и прежде охотно брали себе на службу викингов, помня о своем родстве с варягами. Кроме того, Ярицлейв женат на шведской королевне Ингигерде, которая теперь, правда, зовется Анной ⁴. Ингигерда была невестой Олафа, потом вышла за Ярослава, а затем они с мужем приютили на время у себя в Киеве свергнутого короля. Поэтому Гаральд не хотел искать для себя лучшего конунга, чем Ярицлейв.

Без дела викинги не сидели и честно отрабатывали содержание, назначенное князем. Они вернули Киеву завоеван-

³ Ярослав, по прозвищу Мудрый (978—1054) – князь новгородский и киевский, один из образованнейших людей своего времени. В его правление на Руси был создан первый письменный свод законов, известный в истории под названием «Русская Правда».

⁴ Иногда жену Ярослава Мудрого называют Ириной, однако это имя она приняла только после пострижения в монахини, а в православную веру была крещена под именем Анны.

ные Польшей пограничные города, охраняли строительство оборонительных застав против кочевников-печенегов на реке Роси.

Много раз бывая при княжеском дворе, Гаральд увидел старшую дочь Ярослава Елизавету – и влюбился в нее.

О други, я юность не праздно провел!
С сынами Дронтхейма ⁵ вы помните сечу?
Как вихорь, пред вами я мчался на встречу —
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы мечами,
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы ⁶ под ливнем, упали
И всадник, и пеший владыка, и ты!
А дева русская Гаральда презирает...

На самом-то деле красивый викинг тоже пришелся по нраву княжне – он-то знал женщин и не мог ошибаться насчет этих долгих взглядов, которые бросала на него прекрасная Елизавета. Она с восторгом слушала его песни – и им самим сложенные, и старинные скандинавские саги, которые Гаральд, может быть, не очень умело, но душевно переложил на русский язык прямо на ходу. Слушала о том, как прекрасный Бальдр был убит стеблем омелы, как хитрый карлик Альвис заболтался с Тором и пропустил рассветный час, по-

⁵ С датчанами.

⁶ То есть колосья.

сле чего обратился в камень, сам себя перехитрив, как обманутый Сигурд женился на Гудрун вместо Брюнхильд и заплатил за это жизнью, а вместе с ним легла на погребальный костер беззаветно любившая его валькирия... Может быть, Елизавета понимала, что каждым словом древних саг Гаральд рассказывал ей о своей любви?

Женщин любить,
в обманах искусных, —
что по льду скакать
на коне без подков,
норовистом, двухлетнем
коне непокорном,
иль в бурю корабль
без кормила вести,
иль хромцу за оленем
в распутицу гнаться.
Никто за любовь
никогда осуждать
другого не должен;
часто мудрец
опутан любовью,
глупцу непонятной.

Словом, Гаральд был уверен, что его сватовство будет встречено Эллисаф и ее отцом благосклонно.

Ничуть не бывало! Хитрый и мудрый Ярослав воздал должное его происхождению и мужественности – но развел

руками: пока ты никто, мой мальчик. Ты не более чем наемник, слуга, чей стол зависит от щедрости твоего господина. Где-то там существует наследственный трон норвежских королей, но тебе до него далеко, как до луны, которая озаряет по ночам мир своим призрачным сиянием. Твой трон – такой же призрак. Неужели ты думаешь, что я отдам свою старшую дочь призраку?!

Конечно, это было выражено не столь прямолинейно, более любезно, очестливо ⁷, не противно для гордости викинга, но достаточно ясно и жестко. Да, киевские князья прославились умением заключать выгодные брачные союзы с соседями! Отец Ярослава, конунг Владимир, был женат на византийской царевне Анне, их дочь стала женой польского короля Казимира, сам Ярослав взял за себя, как известно, шведскую королеву, его сыновья женились: Всеволод – на Марии, царевне из Византии, Вячеслав – на дочери графа Штаденского Оде, Игорь – на Кунигунде, маркграфине Саксонской, Изяслав – на польской королеве Гертруде. Конечно, будь Гаральд королем...

Ну что ж, киевский князь прав. Гаральд должен или вернуть трон, или завоевать такую славу, которая заставит забыть о том, что его чело не увенчано короной. А главное – он должен сказочно разбогатеть! Ярослав знает цену деньгам, и хоть стольный град его Киев выглядит богато – одни Золотые ворота чего стоят! – да и сам живет в великолепном дворце,

⁷ Вежливо.

не хуже чем у византийских императоров, а библиотека его, по слухам, стоит целое состояние, все же князь уверен, что богатства не может быть слишком много. И опять он прав, трижды прав!

В это время как раз закончился срок службы викингов у Ярослава. Он ничуть не обиделся, когда Гаральд сообщил, что не будет подражаться на новый срок, а отправится искать удачу в чужих землях. Князь Ярослав даже написал письмо в Константинополь, рекомендуя императрице Зое, своей свойственнице (Анна, мачеха Ярослава, приходилась ей тетушкой), отборных воинов. И вот Гаральд прибыл в Константинополь (русские называли этот город Царьградом и безмерно гордились, что некогда князь Олег прибил боевой щит свой на врата столицы византийской!) и был принят на службу. По совету хитроумного Ярослава, который лучше, чем смелый и искренний варяг, знал о знаменитом византийском коварстве, Гаральд скрыл свое настоящее имя и звание и представился простым ярлом Нордбриктом. Северный странник – так переводилось его новое имя.

Викинг думал, что многое видел и удивить его будет трудно. Однако все чудеса Киева, все дива дивные, которые встречались на пути в Византию, были просто ничем по сравнению с самим Константинополем. Да это не город, а целый мир! Сколько великолепных строений! И до чего же хитро все устроено! Например, по воду не надо ходить или ездить на реку. Здесь и реки-то нет. Вода сама поступает в город по

особенным водоводам. Говорят, их придумали еще римляне и называются они акведуки. Каждый дом роскошен, словно дворец. А сам Священный дворец! Нигде в мире не сыскать подобного ему. Какие мраморы вокруг! Какие величавые колонны подпирают расписной потолок, до которого не достать, словно до неба! А стены и полы не просто разрисованы, а выложены кусочками разноцветного стекла. Изображенные на них картины не смоят никакие дожди. Хотя дожди – здесь редкость, не то что в родной туманной Норвегии. А сколько народу живет в этом городе! И все, как на подбор, низкорослые, черноволосые, черноглазые. На викингов, светловолосых, светлобородых великанов, здесь смотрели со священным ужасом. То есть это мужчины так смотрели. А женщины...

Конечно, женщины здесь были хорошие – мягонькие такие, пухленькие, словно куропаточки. Пахли сладко-сладко! Целуешь такую – и еле удерживаешься, чтобы не укусить, словно пышный пирожок. Только страшно подавиться «глазурью» – белилами, да румянами, да притираниями, да сурьмой, да хной, которые местные красавицы накладывали на себя щедро, даже чрезмерно щедро. Гаральд, конечно, от дамских прелестей головы не терял: хранил сердечную верность Эллисаф. Однако мужская природа требовала своего, и он ни воинам своим не запрещал, ни сам не отказывался от того, что само шло в руки. Здесь, между прочим, было в обычае у жен самим выбирать себе любовников, самим де-

лать им предложения, назначать свидания и одаривать щедрыми подарками. Многие из воинов Гаральда таким образом немало разбогатели, да и сам вождь их не оставался внакладе.

Мог ли предполагать Гаральд, что именно одна из византийских женщин едва не погубит и его, и всю его дружину!

Впрочем, в утешение можно сказать, что это была женщина не простая и даже не высокородная придворная дама, а сама императрица.

Зоя была третьей дочерью императора Константина VIII Мономаха. Брат его Василий умер бездетным, а дочери еще не нашли себе мужей. Да и как было найти? В Византии крепко помнили «ненарушимые заветы» Константина Багрянородного, запрещавшие царевнам замужество с «варварами» (а таковыми для кичливых ромеев⁸ были чуть ли не все народы).

Итак, все три византийские царевны прозябали в девичестве. Но императрица не может быть девицей! Мужней женой, вдовой – это да. Но девицей?! Чтобы сохранить преемственность наследования, решено было выдать одну из сестер замуж за какого-нибудь высокородного грека и возвести его на престол. Кого именно? Старшая сестра, Евдокия, была поражена проказой и жила в уединении в монастыре. Младшая, Феодора, тоже недавно постриглась и ни за что

⁸ То есть византийцев.

не собиралась нарушить обета верности Христу. Ни за какие мирские блага. К тому же мало сыскалось бы мужчин, которые решились бы вступить с ней в брак даже ради того, чтобы приблизиться к трону. Лицо у нее было длинное, словно у ослицы, тело тощее, кособокое. Вдобавок она болтала не умолкая с утра до вечера, похуже иной сороки! А средняя сестра, Зоя... Зоя была еще привлекательна, несмотря на то что сорокавосемилетняя девственность, конечно, заставила ее щеки и губы поблекнуть и груди увянуть. Однако она охотно согласилась выйти замуж и взойти на трон.

В супруги ей нашли патриция Романа Аргира. Он был еще молод, красив, богат, знатен, – словом, взял всем. Одна беда: женат и влюблен в свою жену. Но это сочли таким незначительным препятствием! Перед супругами был поставлен выбор: или прощайтесь с жизнью, или Роман должен обвенчаться с Зоей. Жена Аргира постриглась в монахини, а Роман... пошел под венец и сделался императором Романом III.

Надо сказать, что Зоя очень скоро вошла во вкус как управления государством (она стала любимицей народа за свою доброту и разумность), так и супружеской жизни. В плотской любви, оказывается, таилась бездна удовольствия! Как же нагло лгали монахи, уверяя, что страсть постыдна и пагубна, а тело женское – всего лишь сосуд греха. Нет, на счет греха они были, конечно, правы... но до чего же сей грех сладостен! Опять же, не согрешив, не покаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.